

Владимир Обручев
«Плутония»
«Земля Санникова»

Алексей Толстой
«Аэлита»
«Гиперболоид инженера Гарина»

Александр Беляев
«Голова профессора Доуэля»
«Человек-амфибия»

Иван Ефремов
«Туманность Андромеды»
«Час быка»

Аркадий и Борис Стругацкие
«Страна Багровых туч»
«Стажеры»

Кир Булычев
«Последняя война»
«Поселок»

Владимир
Обручев

ПЛУТОНИЯ
—
ЗЕМЛЯ
САННИКОВА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-24

Обручев, Владимир Афанасьевич.

О-24 **Плутония ; Земля Санникова : [романы] / Владимир Обручев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 640 с.; ил. — (Лучшая советская фантастика).**

ISBN 978-5-699-94357-9

В начале XX века отважные полярные исследователи обнаруживают легендарную Землю Санникова. К удивлению начальника экспедиции, политического ссыльного Горюнова, и его товарищей, затерянный в Северном Ледовитом океане остров покрыт растительностью, среди которой обитают мамонты, шерстистые носороги, пещерные львы, саблезубые тигры и загадочное племя онкилонов...

Незадолго до начала Первой мировой войны группа русских ученых во главе с геофизиком Трухановым и профессором Каштановым отправляется в арктическую экспедицию. После множества приключений они попадают в гигантский подземный мир, освещенный и обогретый раскаленным ядром Земли. Здесь до наших дней сохранились вымершие животные и растения всех геологических эпох. Ученым приходится столкнуться с динозаврами и саблезубыми тиграми, гигантскими муравьями и первобытными людьми...

Произведения Владимира Обручева по праву считаются золотой классикой советской научной фантастики!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94357-9

© Обручев В.А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

ПИСЬМА ПРОФЕССОРА ОБРУЧЕВА

Профессор Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956) прожил долгую и интересную жизнь. Он был видным ученым-геологом, исследовал пустыню Гоби и Алтай, искал золото в Сибири, проектировал Закаспийскую и Транссибирскую железные дороги, изучал вечную мерзлоту. В его честь названы горный хребет на Алтае, оазис в Антарктиде и даже минерал «обручевит». Но прославился он не только своими научными открытиями, но и приключенческими романами, которые переиздаются и читаются до сих пор. Его самые известные книги — «Земля Санникова» и «Плутония» — посвящены исследованию земель, которых нет на карте...

В дверь постучали.

Профессор Обручев с трудом оторвался от текста своего доклада для заседания Географического общества СССР, почетным президентом которого он был недавно избран. В кабинет вошла его жена Ева Самойловна (Владимир Афанасьевич называл ее Эвой, а она его — по имени-отчеству, но на «ты»), высокая седовласая женщина с суховатым лицом.

— Владимир Афанасьевич, тут тебе еще письма принесли, — Ева Самойловна подошла к письменному столу и вручила Обручеву увесистую пачку писем, которую с трудом удерживала в руках. Владимир Афанасьевич улыбнулся:

— Спасибо, Эва. Как раз хотел передохнуть!
Судя по лицу Евы Самойловны, она ему не поверила. Но улыбнулась в ответ и вышла из кабинета.

Обручев вскрыл самое верхнее письмо и принялся за чтение.

Уважаемый Владимир Афанасьевич! С большим интересом мы с ребятами из класса прочли отчет о путешествии русских ученых в подземную страну Плутонию. Мы заканчиваем школу на будущий год и хотим спросить Вас: как можно попасть в экспедицию, которую снарядит Академия наук СССР для дальнейших исследований Плутии?

Владимир Афанасьевич вздохнул. Это было одно из многочисленных писем от романтически настроенных ребят, которые он получал после очередного переиздания романа «Плутония». «Угораздило же меня для придания правдоподобия указать, что книга основана на подлинных дневниках членов экспедиции! — подумал Обручев. — Читатели и впрямь приняли все это за чистую монету».

Обручев хорошо помнил, как и почему он задумал создать «Плутонию». Было лето 1915 года — в Европе гремела страшная Первая мировая война. Владимир Афанасьевич, три года назад вынужденный подать в отставку с поста профессора Томского Технологического Института за поддержку студенческой забастовки, жил теперь с семьей в Москве, снимая квартиру в Калошном переулке на Арбате. Все время он отдавал обработке материалов по золотоносным районам Сибири и дневников последней экспедиции в Пограничную Джунгарию. Но в какой-то из вечеров он перечитал роман Жюль Верна «Путешествие к центру Земли».

Поклонник приключенческой литературы, Владимир Афанасьевич был раздосадован. Как могла ему в юности нравиться столь несерьезная книга! Разве возможно путешествие в центр земного шара через кратер вулкана? Ведь любой геолог знает, что кратеры уже на небольшой

глубине оказываются забиты застывшей лавой. А гигантские подземные пещеры, залитые фантастическим светом бог весть какого происхождения! Нет, все-таки Жюль Верн был немалый фантазер, но не ученый.

«Интересно, — задумался Владимир Обручев, — а если и в самом деле на минуту допустить, что теория полой Земли истинна? Как бы с точки зрения строгой науки выглядело путешествие в ее недра? И пусть бы даже там остались жить вымершие виды животных — кстати, а как бы они туда попали?» Ученый взялся за перо и за пару месяцев набросал черновик романа. Правда, издан он был лишь через десять лет — в 1924 году, когда в стране уже сменилась власть и произошло столько событий, что хватило бы не на одну человеческую жизнь. К счастью, ветры перемен не затронули Обручева и смысл его жизни — науку.

Создавая роман, Обручев хотел дать читателям представление об истории Земли — поэтому герои «Плутонии» путешествуют не столько в пространстве, сколько во времени. Продвигаясь по рекам и морям подземного царства, они видят перед собой геологические эпохи Земли, одну за другой. Соответственно меняются и флора, и фауна. Вначале путешественников окружают млекопитающие, появившиеся на планете в конце триасового периода, и погода в подземном царстве ненамного теплее наземной вечной мерзлоты. Но чем дальше продвигаются исследователи, тем глубже они уходят по ступенькам веков — и вот их окружает теплый и влажный тропический климат юрского периода, по берегам реки зеленеют хвощи и папоротники, а по лесам и полянам разгуливают короли эпохи — динозавры.

Владимир Афанасьевич не был палеонтологом, хотя во время геологических экспедиций он время от времени наткнулся на останки вымерших животных — то пещерного носорога в пустыне Гоби, то мамонта в вечной мерзлоте Сибири. Его описания не всегда получались строго научными. Одна из первых рецензентов его книги (и одновременно невестка Владимира Афанасьевича, жена его

младшего сына Дмитрия), палеонтолог Ольга Павловна Обручева, справедливо отметила, что, например, трицератопсам писатель польстил, увеличив их почти в два раза. В реальности эти динозавры были ростом под три метра и длиной в пять, а в книге — пять и восемь, соответственно.

В письмах читателей иногда попадались и указания на ошибки. «Интересно, а автор этого письма не об ошибках ли пишет?» — подумал Обручев, достав из стопки писем конверт, надписанный твердым округлым почерком. Обратного адреса не было. Заинтригованный профессор вскрыл конверт.

«Что это — письмо, напечатанное на пишущей машинке? Но какой, однако, ровный и четкий шрифт! Впрочем, это может быть машинка нового поколения, о которой я ничего не знаю.. И бумага — такая белая и гладкая. Странное письмо, весьма странное», — с такими мыслями Владимир Афанасьевич принялся за чтение, теряясь в догадках по поводу его автора все больше и больше...

Уважаемый профессор Обручев!

Если это письмо попадет к Вам в руки, значит, эксперимент удался. Пожалуйста, дайте об этом знать, описав эпизод с его получением в дневнике — его бережно сохранят Ваши потомки.

Если Вы боитесь, что вас примут за сумасшедшего — зашифруйте запись, мы найдем ключ.

Владимир Афанасьевич, когда мне предложили написать письмо кому-нибудь из любимых авторов, я не колебался ни секунды, вспомнив, как зачитывался «Плутонией» в детстве. Я не буду рассказывать, как Ваша книга повлияла на мою жизнь.

Лучше я расскажу о том, как «Плутония» опередила свое время.

Догадывались ли Вы, описывая в романе одно из околотовных животных, представляющее собой переходную форму между пресмыкающимся и млекопитающим, что такое животное действительно

будет открыто? Его останки найдут в 2004 году в Китае и назовут касторокаудой, то есть «хвостатым бобром».

Вы дали волю фантазии, описывая динозавров не так, как было принято в современной Вам палеонтологии. В «Плутонии» это не тупые злобные ящеры, а животные со сложным поведением, умеющие заботиться о потомстве, способные бегать и прыгать. И, по представлениям позднейших ученых, именно такими они и были! Вполне возможно, динозавры являлись теплокровными и вели весьма активный образ жизни.

А изложенная в романе гипотеза о том, что в результате удара метеорита в земной коре образовалась дыра, через которую в подземный мир спустились древние животные, — не что иное, как принятая в мое время «метеоритная теория». Разумеется, Земля не полая, и Вы уже прекрасно знали об этом. Но вот вымерли динозавры, как считают сегодня, именно из-за падения огромного метеорита, вызвавшего катастрофическое изменение климата на всей планете.

И, конечно, Вы не могли знать, что неандертальцы, которых Вы так увлекательно описываете, действительно обладали членораздельной речью.

*Этот вывод ученые сделали только в начале далекого от Вас XXI века, реконструировав строение их черепов и гортаней. Кстати, несмотря на значительное сходство, неандертальцы не являются нашими предками. На самом деле они сосуществовали с кроманьонцами — ранними представителями вида *Homo Sapiens*, «человек разумный». Но об этом Вы, конечно, даже не догадывались. Еще бы — ведь этот вывод был сделан на основании изучения генома неандертальца в конце XX — начале XXI века. Жаль, я не смогу Вам рассказать, как именно проводились исследования — будет сложно объяснить множество*

незнакомых терминов. Первым работам по генетике в Ваше время еще только предстоит появиться, структура молекулы ДНК, хранящей наследственную информацию, будет описана в 1953 году. Увы, генетика в нашей стране будет объявлена лженаукой еще раньше, в 1948-м...

Впрочем, я увлекся. На самом деле я хотел сказать Вам, Владимир Афанасьевич, что интуиция ученого дала поразительные результаты! Ваш роман написан так, как будто Вы на самом деле сумели заглянуть в будущее. Поэтому я и пишу именно Вам. Будьте уверены — Вас помнят, Ваши работы изучают, а романы переиздают много поколений подряд, даже сейчас, когда изменились и повседневная жизнь, и книги, и сама страна.

На этом я прощаюсь. Пожалуйста, сложите письмо, поместите его в конверт и отойдите на расстояние двух метров — его состояние в вашем мире очень нестабильно.

*Уважающий Вас Сергей Стахов,
старший научный сотрудник
лаборатории квантовой физики
института... —*

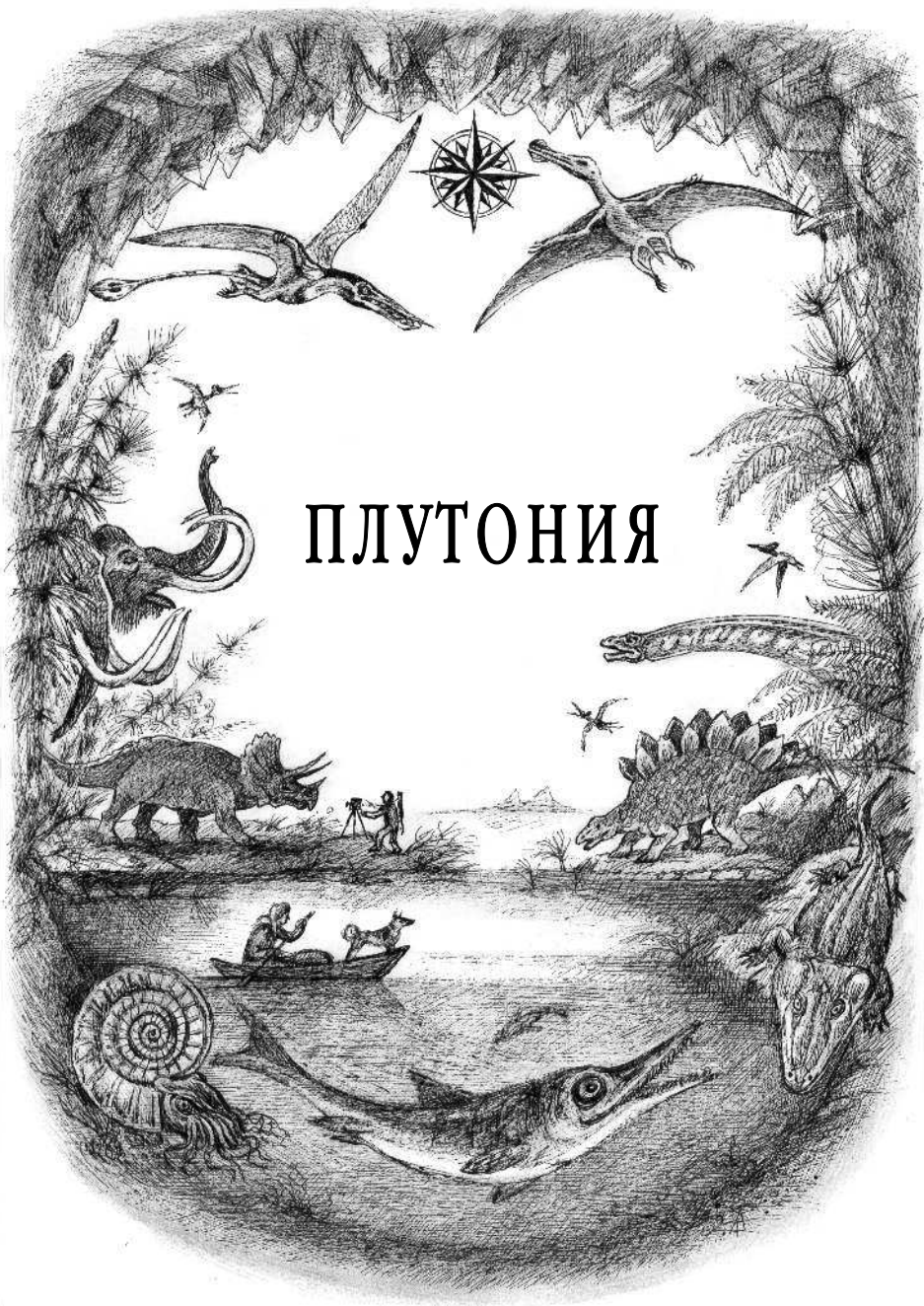
письмо заканчивалось незнакомой Обручеву аббревиатурой.

Озадаченный профессор решил последовать совету автора письма. Он положил конверт на стол и осторожно отошел к стене. Спустя мгновение письмо бесследно исчезло в ослепительной вспышке света... А еще через пару минут Обручев обрел способность думать и действовать.

— Эва, я выйду к ужину позже, я еще работаю! — крикнул он. Затем уселся за стол и достал из нижнего ящика стола толстую тетрадь, в которой вел дневник. Эпизод с загадочным письмом о его открытиях должен быть описан в подробностях...

Александра Королёва

ПЛУТОНИЯ

Неожиданное предложение

Профессор Каштанов, известный путешествиями на Новую Землю и Шпицберген и исследованием Полярного Урала и занимавший кафедру геологии в университете, только что вернулся из своей лаборатории. Осенний семестр кончился, лекции и экзамены прекратились, и профессор с удовольствием мечтал о трехнедельных зимних каникулах; не для безделья — о нет! Еще не старый, полный сил и здоровья, он думал отдохнуть только дня два-три, а затем приняться со свежими мыслями за ученую статью о геологическом соотношении Урала и Новой Земли.

Присев к письменному столу в ожидании обеда, Каштанов пересмотрел полученную за день почту, перелистал несколько научных брошюр, присланных ему авторами, пробежал каталог научных новинок немецкого книгоиздательства. Наконец его внимание привлекло письмо в большом желтоватом конверте, с адресом, написанным очень четким, но мелким почерком.

Почерк своих обычных корреспондентов профессор знал отлично, и это письмо от незнакомого человека заинтересовало его.

Каштанов вскрыл конверт и с изумлением прочитал следующее:

Мунку-Сардык, 1/XII 1913

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Зная Вашу опытность в полярных исследованиях и интерес, который Вы питаете к геологии арктической области, я предлагаю Вам принять участие в крупной экспедиции, отправляемой мною будущей весной на один или два года для изучения неизведан-

ной части Ледовитого океана. Если Вы принципиально согласны, будьте добры приехать для личных переговоров 2 января 1914 года в полдень в Москву, гостиница «Метрополь», где в этот день и час соберутся остальные предполагаемые участники экспедиции и я. Если безусловно отказываетесь, не откажите известить по тому же адресу. Расходы по поездке, во всяком случае, будут возмещены.

Вполне преданный и уважающий Вас

Николай Иннокентьевич Труханов.

Профессор опустил письмо и задумался.

«Труханов? Как будто слышал эту фамилию, но где и когда? Кажется, в связи с вопросами геофизики¹ или астрономии. Нужно навести справки. Это крайне интересно. Живет где-то на границе Монголии, а снаряжает экспедицию в Ледовитый океан!»

Каштанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии, который сообщил следующие сведения: Труханов окончил университет и посвятил себя геофизике и астрономии. Он недавно выстроил обсерваторию на вершине горы Мунку-Сардык в Саянском хребте, на границе Монголии, чтобы воспользоваться чистотой и прозрачностью воздуха Восточной Сибири в течение долгих зим, изобилующих безоблачными днями и ночами. Но при чем тут полярные области? Над Ледовитым океаном атмосфера, во всяком случае, менее благоприятна для астрономических наблюдений, чем на горе Мунку-Сардык..

На этот вопрос астроном не мог дать никакого ответа, и Каштанову ничего не оставалось, как отложить удовлетворение своего любопытства до 2 января. Он, конечно, решил съездить в Москву.

¹ Геофизика — наука о физическом строении земного шара, его магнитных и электрических свойствах, силе тяжести, радиоактивности, температуре глубин, физическом состоянии недр.

Совещание в Москве

В полдень 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь» и постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром. Дверь распахнулась, и профессор очутился в обширной светлой комнате, где были уже несколько человек. Один из них поднялся навстречу Каштанову и, протягивая ему руки, воскликнул:

— Вы аккуратны, как часы, Петр Иванович, невзирая на эту погоду, настоящую сибирскую пургу! Это отличное предзнаменование для нашего предприятия. Очень рад, что вы прибыли и что имею честь видеть вас у себя! Я — Труханов. Позвольте познакомить вас с остальными присутствующими.

Один за другим поднялись и были представлены Каштанову:

— Зоолог приват-доцент Семен Семенович Папочкин.

— Метеоролог Главной физической обсерватории Иван Андреевич Боровой.

— Ботаник и врач Михаил Игнатьевич Громеко.

На круглом столе среди комнаты была разложена большая карта арктической области, на которой резкими цветными линиями были нанесены маршруты экспедиций последних пятидесяти лет. К северу от Таймырского полуострова была уже намечена земля, открытая Вилькицким только летом 1913 года¹.

Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь:

— Как показывает вам эта карта, пять шестых арктической области между Сибирью, Северной Европой, Гренландией и Северной Америкой испещрены маршрутами многочисленных экспедиций. Но удивительное открытие земли, сделанное недавно Вилькицким, показало, что и в этой области возможны еще крупные завоевания для науки. Нужно только направить свои усилия целесообразно, пользуясь опытом всех предшественников.

¹ Теперь она называется Северной Землей.